

Виктория Безнисько

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ АНЕКДОТ КАК ФОРМА
РАЗОБЛАЧЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО МИФА**

Цель данного исследования – представить политический анекдот как одно из средств, способствующих разрушению политического мифа в массовом и индивидуальном сознании. Представление политического мифа и политического анекдота как двух взаимопроникающих друг в друга систем, выявление объединяющих и дифференцирующих их качеств позволяет глубже понять природу политического мифа как вполне реального явления, имеющего место в современном социальном сознании.

Политический миф - это открытая система с двухуровневой структурой, в основе которой лежит мифологизированная идея. По отношению к создателю мифа структурообразующим элементом последнего является цель, состоящая в создании виртуальной реальности и внедрении данной реальности в форме мифа в сознание другого индивида или группы индивидов; по отношению к реципиенту структурообразующим элементом является вера в виртуальную реальность, созданную посредством собственного воображения или являющуюся результатом чужого воображения, обусловленная желанием, чтобы реальность, отобразённая в мифе, существовала в объективной действительности. Остальные элементы данной структуры производны от основного: это догмы, обусловленные, в первом случае, целью создателя мифа, во втором случае, это убеждения, внедрённые в сознание реципиента посредством веры, доминирующей в данном сознании.

Политический анекдот также представляет собою открытую систему, основой для которой служат политические мифы, распространяющиеся в конкретной стране в определённый исторический период. Эта система объединена общим концептом, выражающим целевую направленность политического анекдота, который может проявляться как на обыденном, так и на специализированном уровнях сознания. Суть данного концепта заключается в разоблачении идеи, составляющей фундамент разрушаемого политического мифа. Процесс создания политического анекдота на уровне специализированного сознания

затрагивает также и обыденный уровень сознания создателя и особенно человека, внедряющего анекдот в сознание. Подтверждением этому может служить психологическая реакция современных юмористов, например, М. Задорнова, Е. Петросяна, С. Дроботенко в момент исполнения ими миниатюр: часто в процессе исполнения миниатюры они, как и зрители в зале, не могут удержаться от смеха, побуждая к соответствующей реакции и аудиторию. Процесс создания политического мифа на специализированном уровне сознания, напротив, далеко не всегда затрагивает обыденный уровень сознания создателя мифа. Подтверждение данного тезиса – манера произнесения речей (одна из форм воплощения политических мифов), присущая многим политическим лидерам, создателям или внедрителям политических мифов: они произносят свои речи либо беспристрастно, не обнаруживая никакой психологической реакции, тогда сложно судить об их истинном отношении к содержанию произносимого, либо слишком пылко, с нескрываемым желанием уверить слушателей в истинности содержания речи. Подобная манера чаще всего репрезентирует отношение к мифам, содержащимся в речи, противоположное тому, которое проявляет создатель (внедритель) мифов на публике.

В процессе создания политического анекдота наиболее активны такие механизмы мышления как анализ, синтез и, особенно, моделирование. Результатом действия данных механизмов является рождение в человеческом сознании некой игровой модели, репрезентирующей какую-либо ситуацию или внутренний облик политического лидера. Создаётся данная модель посредством художественного слова, которое апеллирует к образным структурам художественного мышления, а также является основным, хотя и не единственным средством внедрения политического анекдота в сознание. Воплощаться данное слово может с помощью приёмов, свойственных художественному мышлению, – метафоры, аллегории, гиперболы, олицетворения, иронии. Политический анекдот как один из фольклорных жанров, вмещающий в себя все названные формы воплощения художественного слова, является логически и психологически закономерным средством разрушения политического мифа. Если понимать политический миф как некий код, внедрённый в сознание

посредством слова, то прекратить действие этого кода, тем самым, разрушив его, можно только с помощью аналогичного средства – приёмов, характеризующих художественное мышление.

Существующие политические анекдоты по значению, преобладающему в их содержании, можно разделить на три группы: анекдоты, развенчивающие истинность базовых идей, являющихся фундаментом многих мифов, порождённых той или иной политической системой; анекдоты, разрушающие культ личности политического лидера (мифологизированные биографии), являющегося носителем, олицетворением данных идей, составляющих идеологический аппарат определённой политической системы: анекдоты, вскрывающие сущность основных конфликтных ситуаций в обществе. Третья группа тесно связана с первой, но существенное отличие между ними в том, что в анекдотах, входящих в первую группу, ярко выражена оценка того явления, которое они репрезентируют, в анекдотах же, составляющих третью группу, данная оценка зашифрована, она имплицитна.

Анекдоты, входящие в 1-ю группу предложенной классификации, часто оформлены в виде диалога. Например, следующий анекдот, одновременно являющийся результатом разрушения в сознании представления о марксизме-ленинизме как универсальной науке (относительно сознания создателя данного анекдота) и средством разрушения данного представления (относительно сознания людей, впоследствии воспринимающих данный анекдот), содержит в себе элементы иронии: «Является ли марксизм-ленинизм наукой? – Нет. Если бы это была наука, то сначала попробовали бы всё это на крысах» [3, с. 7].

Следующие три анекдота репрезентируют одно из основных свойств политического анекдота: наряду с разрушением в сознании какой либо политической идеи – основы политического мифа, он часто способствует утверждению в данном сознании иной идеи – основы другого политического мифа. «Жизнеспособна ли социалистическая система? – О да! Если бы такой бардак был при капитализме, он бы давно погиб» [3, с. 19]. (Одновременно с развенчанием мифа об универсальности социалистической системы, утверждается миф об уникальности капитализма). «В школе: Что такое социализм? – Это самый долгий путь к

капитализму» [3, с. 47]. «Дело происходит на Чукотке. Каждый вечер на берег моря выходит чукча и кричит в сторону Америки: «Нищие!» – Почему нищие, если живут во много раз лучше, чем мы? – Аляску купили, а на Чукотку денег не хватило?!» [3, с. 56]. Здесь использован такой приём мышления, как ирония. Развенчание мифа о самом счастливом советском человеке будущего: «Как будет выглядеть человек коммунистического будущего? – У него будут маленькие руки, так как он ничего делать не будет – за него будут работать машины. У него будут маленькие ноги, так как он не будет ходить, а только ездить, плавать и летать. У него будет маленький живот, так как он будет питаться высококалорийными пилюлями. У него будет очень большая голова, так как он будет очень много и постоянно думать... как и где достать эти пилюли» [3, с. 10]. Основной художественный приём, здесь реализованный, – метафора.

Следующие два анекдота содержат в себе отрицание доминирующих в сознании тоталитарного типа «позитивных» качеств. Первый анекдот содержит отрицание одного из «положительных» качеств советского человека, генетически присущего ему: советский человек всегда готов был жертвовать настоящим ради призрачного будущего: «Светлое настоящее откладывается во имя светлого будущего» [3, с. 31]. Второй анекдот является отрицанием доминирующего качества носителя тоталитарного сознания, а именно стремления мыслить заданными стереотипами, не анализируя воспринимаемое явление: «Коммунисты – это те, кто читал Маркса, Энгельса, Ленина, антикоммунисты – те, кто эти сочинения понял» [3, с. 63]. По сути, данные анекдоты являются разоблачением не отдельных качеств, свойственных представителю определённого типа общества, а отрицанием истинности идеи, которая стала фундаментом государственной машины, формирующей в сознании данные качества. Перейдём к анализу анекдотов, составляющих 2-ю группу классификации. Основным художественным приёмом, используемым при создании данных анекдотов, является гиперболизация. В результате гиперболизирования какой-либо негативной черты, присущей в действительности или приписанной культивируемой личности, разоблачаемой в политическом анекдоте, в сознании как создателя данного политического

анекдота, так и индивида, воспринимающего его, формируется некая гротескная негативная модель внутреннего облика личности. «Ленин: – Здравствуйте, товарищ ходок, садитесь! Вы, конечно, бедняк? – Да вот, Владимир Ильич, вроде бы и нет, лошадь есть у меня. – Ага, стало быть, вы, товарищ, середнячок? – Да как сказать, Владимир Ильич, сыт, дети обуты, одеты. – Ага, стало быть, вы кулачок! Феликс Эдмундович! Расстреляйте, пожалуйста, товарища!» [3, с. 11]. В данном анекдоте иронически показано лицемерие большевистской власти и гиперболизирована жестокость Ленина по отношению к народу. Для усиления эффекта гиперболизации в анекдотах используется сопровождающий художественный приём, в результате применения которого в виртуальной модели, созданной воображением создателя анекдота, происходит смешение исторических эпох посредством соединения в данной модели представителей разных эпох, носителей разных менталитетов. «Пушкин на приёме у Сталина. – На что жалуетесь, товарищ Пушкин? Жить негде, товарищ Сталин... Сталин снимает трубку. – Моссовет! Бобровникова ко мне! Товарищ Бобровников, у меня тут товарищ Пушкин, чтобы завтра у него была лучшая квартира. Что ещё у вас, товарищ Пушкин? – Не печатают меня, товарищ Сталин... Сталин снова снимает трубку: Союз писателей! Фадеева ко мне! Товарищ Фадеев, тут у меня товарищ Пушкин, чтобы завтра напечатали его самым большим тиражом! Пушкин благодарит и уходит. Сталин снимает трубку: Товарищ Дантес? Товарищ Пушкин уже вышел...» [3, с. 20–21]. Здесь гиперболизированы жестокость и двуличие Сталина, согласно воспоминаниям его современников, присущих ему в действительности. Указанный художественный приём реализуется и в анекдотах 3-й группы классификации в процессе констатации, а также обличения негативных сторон какого-либо явления, имеющего место в той или иной стране в определённый исторический период. Вот анекдот, иллюстрирующий положение и направленность работы СМИ в СССР (отсутствие свободы слова, работа по заказу правящей партии): «Македонский, Цезарь и Наполеон в качестве почётных гостей наблюдали парад войск на Красной площади. Македонский: «Если бы у меня были советские танки, я бы был непобедим». Цезарь: «Если бы у меня были советские самолёты, я бы завоевал весь мир». Наполеон: «А если

бы у меня была газета «Правда», мир до сих пор не узнал бы о моём поражении под Ватерлоо» [3, с. 13]. Наиболее интересными анекдотами, входящими в 3-ю группу, оказываются те, в которых использованы олицетворение, аллегория. «Застойные времена. Бегут две собаки. Одна из СССР в Польшу, другая из Польши в СССР. На границе встречаются. – Ты куда? – спрашивает полька. – К вам, – отвечает советская собака. – С едой худо, вот и бегу к вам. – У нас тоже ничего не стало, – говорит польская собака. – А ведь советские газеты пишут, что в СССР изобилие. – Врут, – говорит советская собака. – Не бегай зря, ничего хорошего в СССР нет. – Польская собака поворачивается и бежит назад в Польшу. А советская собака за ней. – Ты куда? Я же тебе говорю, что у нас пусто. – Ну что ж, у вас хоть погавкать можно...» [3, с. 26].

Видимо, основным механизмом мышления, участвующим в процессе создания политического анекдота (этот же механизм является основным при создании политического мифа) является моделирование. Фундаментом, обеспечивающим проявление данного механизма в сознании, являются такие мыслительные механизмы как анализ и синтез. Следствием действия данных механизмов является рождение в сознании создателя анекдота виртуальной модели, заключающей в себе характеристику негативных сторон какого либо явления. Таким образом, в данной модели находит воплощение тезис Аристотеля о том, что комическое (в качестве формы комического у Аристотеля выступает комедия, в данном исследовании политический анекдот является формой комического) есть подражание худшему [1, с. 650]. Данная модель внедряется в сознание других людей посредством слова, а также сопутствующих ему и усиливающих его действие средств: мимики, пантомимы, изовидов, музыкального сопровождения. Художественные приёмы, использующиеся в процессе создания и внедрения политического мифа, также являются формой проявления синтеза, имеющего место в процессе создания политического анекдота. При создании политического анекдота наиболее активно используется гиперболизация отрицательных качеств объекта, вследствие чего в сознании создателя и воспринимающего формируется негативная модель явления. Так воплощается цель политического анекдота, состоящая в разрушении стереотипов и догматизма мышления, фиксированных

в самом политическом мифе.

Следовательно, основной функцией политического анекдота является освобождение человеческого сознания от оков политического мифа, которые выражаются в форме догм и мыслительных стереотипов. Таким образом, политический анекдот способствует развитию личностного начала в сознании. Успешное осуществление данных функций обусловлено пробуждением элементов карнавального мироощущения (М. М. Бахтин) в сознании в процессе создания и восприятия политического анекдота. В данной ситуации акт карнавализации происходит исключительно в сознании и не имеет действительного воплощения, кроме выражения его в словесной форме посредством игры слов. Суть карнавального акта в том, что «верх» меняется местами с «низом». В качестве «верха» здесь выступает универсальность идеи – основы политического мифа или непогрешимость, идеальность личности политического лидера – носителя данной идеи, которые в анекдоте преподносятся в намеренно сниженном виде. В процессе создания политического анекдота гиперболизируются негативные стороны представляемого политическим мифом объекта, в результате чего возникает гротескный образ идеи или личности. Необходимо отметить, что в данном случае речь идёт о внутреннем, а не о внешнем гротеске. Погружение в атмосферу карнавала в процессе создания, а впоследствии восприятия политического анекдота способствует реализации в сознании создателя анекдота и реципиента отношения Я – Ты (согласно терминологии М. Бубера), в качестве «Ты» в данном контексте выступает весь мир в целом. В сознании создателя и воспринимающего политический анекдот осуществляется диалог с миром, при этом также реализуется отношение Я – Я, а именно раскрываются грани их внутреннего «я», неведомые им до акта создания или восприятия анекдота. Полноценной реализации данных отношений способствует пробуждение в сознании самоиронии, являющейся высшим выражением иронии. Ведь высмеивая мнимую истинность, универсальность какой-либо идеи или непогрешимость политического лидера – то, к чему в условиях объективной действительности создатель и реципиент политического анекдота относятся вполне серьёзно, они, тем самым, смеются над обстоятельствами, в которых они сами

находятся и в которых в той или иной степени сами повинны, а значит, смеются над самими собой. Таким образом, процесс создания, а впоследствии восприятия политического анекдота способствует освобождению сознания от стереотипов относительно какой-либо идеи или культовой личности, а значит, провоцирует разрушение политических мифов, центром которых являются указанные элементы. И, следовательно, политический анекдот в данной ситуации осуществляет функцию излечения массового и индивидуального сознания от воздействия, а также предохраняет его от возможного проникновения в него политического мифа в будущем.

Исцеляющую способность смеха (в данном контексте политический анекдот выступает как одна из форм смеха) отмечали в своих произведениях ещё античные мыслители – Лукиан, Гиппократ, Аристотель. Но смех, а именно форма, в которой он воплощается, оказывает на сознание исцеляющее действие (а именно раскрепощает его от ложных стереотипов, развивая в нём личностное начало) лишь в том случае, если данная форма (например, политический анекдот) создана согласно определённым канонам. Один из таких базовых канонов сформулировал Аристотель, утверждая, что нельзя смеяться над безобразным, иначе оно перестает быть смешным. Под безобразным мыслитель понимал такие явления как смерть, болезнь, а точнее отрицал возможность осмеяния чужой болезни или смерти. Об этом часто забывают современные создатели анекдотов: отсюда многочисленные анекдоты о людях, страдающих психическими заболеваниями, в эту же группу можно включить многие анекдоты о политических лидерах, в которых высмеиваются проявления их болезней. Продолжая мысль Аристотеля, можно утверждать, что анекдоты, в которых несоблюден указанный философом канон, оказывают обратное действие как на сознание создателя данного анекдота, так и на сознание человека, воспринимающего его: такой анекдот деформирует сознание, способствуя стиранию в нём границ между прекрасным и безобразным, добром и злом.

Итак, подведём итог всему сказанному. Политический миф и политический анекдот – две взаимопересекающиеся, взаимопроникающие друг в друга модели, в которых представлены

две противоположные стороны виртуальной реальности, воплощённой в каком-либо явлении объективной действительности. Существует два вида соотношения политического мифа и политического анекдота. Первый: модель виртуальной реальности, отображённой в политическом анекдоте, является абсолютным отрицанием модели виртуальной реальности, реализованной в политическом мифе. Тогда политический анекдот по отношению к политическому мифу выступает в качестве контрмифа. В процессе создания контрмифа участвуют те же приёмы, свойственные мышлению, что и при *гиперболизация, абстрагирование, обобщение, моделирование*, с тем лишь отличием, что как на уровне обыденного и, тем более, на уровне специализированного сознания, используются они осознанно. Примечательно, что любой политический миф заведомо содержит в себе возможность контрмифа (политического анекдота), нацеленного на его разрушение, действие которого реализуется при определённом стечении обстоятельств жизни. Таким образом, контрмиф репрезентирует игровой аспект политического мифа, является выражением смеховой культуры в современной действительности.

Второй вид соотношения: модель виртуальной реальности политического анекдота, отрицающая содержание одного политического мифа, утверждает в сознании реципиента модель виртуальной реальности, воплощённую в другом политическом мифе. Но при любом соотношении моделей потребность человека в создании контрмифа (в данном случае политического анекдота) означает начало разрушения в его сознании политического мифа, против которого направлен контрмиф. Функционирование в массовом и индивидуальном сознании такого контрмифа способствует развитию мышления, обуславливает развитие чувства юмора и духовной культуры в целом.

1. Аристотель. Поэтика // Аристотель. Сочинения: В 4-х т. – Т. 4. – М.: Мысль, 1983.
2. Бахтин М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и ренессанса. – М.: Худ. лит., 1965. – 527 с.
3. И смех, и слёзы, и любовь: Сборник анекдотов. – Днепропетровск: Южная Пальмира, 1993. – 168 с.